

ISSN 0130-9757

*РОССИЙСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ*

4 1992

П 23
2402

ВЫСШИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОВЕТ
ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ, ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
И ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ С КОМПАНИЕЙ «СУПЕРРОС»

РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежемесячное научно-практическое издание

Выходит с апреля 1958 г.

(до марта 1992 г. выпускался под названием «Экономические науки»)

4

1992

СПОНСОРЫ:

Еженедельник «Экономика и жизнь»
Российский университет Дружбы народов
Акционерное общество «Криокор»
(оплата авторского гонорара)
Фирма «Интерофис»

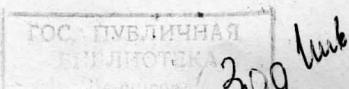

МОСКВА «ФИНАНСЫ И СТАТИСТИКА»

Содержание

Слово учредителям

А. Поршне в. Двигаться дальше	3
Макроэкономические проблемы России и Содружества	
С. Симановский. К использованию научно-технического потенциала РФ и СНГ	5
А. Пяткин. Иностранные инвестиции — резерв экономического развития	10
Становление новой системы хозяйствования	
Аграрные преобразования	
В. Хлыстун. Трудный ход аграрной реформы в Российской Федерации	20
Финансы. Кредит. Цены. Денежное обращение	
В. Фролов (Екатеринбург). О задачах налоговой политики	25
А. Яковлев. Биржи и биржевая торговля на рубеже 1991—1992 гг.	28
Социальные процессы	
В. Павлов. Отечественный рынок труда: соображения по регулированию	34
Взгляд со стороны	
М. Элман (Голландия), В. Конторович (США). Вступительная статья к книге «Дезинтеграция советской экономической системы» (комментарий Ю. Ольшевича)	39
Менеджмент и маркетинг	
П. Папулов. О новом типе мышления хозяйственного руководителя	48
В. Румянцев, Л. Путятина. Промышленные предприятия в преддверии рынка (первоочередные проблемы)	56
Методология, теория, практика	
В. Голобоков. Спор сквозь годы	60
В. Черковец. Судьба одного теоретического «новшества»	66
Экономико-математические подходы	
В. Дадаян, С. Бессараб. Модель долгосрочного экономического роста	74
Восточноевропейские варианты	
Б. Даллаго (Италия). Есть ли будущее у макроэкономического планирования в Восточной Европе? (окончание)	84
Зарубежные экономические концепции	
М. Афанасьев. Мир экономики Яноша Корнаи	92
Л. Ширяева, Н. Мамедова. Неоклассическая модель государственного регулирования рыночных отношений	96
Экономист в аудитории	
Проблемы изучения экономической теории в высшей школе	
В. Фальцман. Макроэкономика плановой и предпринимательской систем. Глава 6	108
А. Лившиц. Инфляция. Краткий спецкурс	118
Экономическое образования в средней школе	
Е. Борисов, Ф. Волков. Основы экономической теории. Глава 10	129
В. Королев. Феномен предпринимательства	134
Письма в редакцию	
Т. Колесникова, З. Качиева, Л. Лиманская (Ставрополь). Экономическое образование будущих врачей	142

Недавно один уважаемый ученый — сотрудник ИМЭМО РАН, специалист по кредитно-финансовой системе капиталистических стран и историк экономической мысли — заявил в интервью нашему журналу следующее: «Я считаю безумием на волне «декоммунизации» запрещать марксизм как теорию, изгонять его силой из книг, из преподавания, из мышления. Пусть он свободно соревнуется с другими концепциями общественного развития и функционирования экономики» (Экономические науки. — 1991. — №12, — С 33). Учитывая это мнение и многочисленные аналогичные суждения, пожелания и требования, содержащиеся в читательской почте, мы публикуем статьи В.Голобокова и В.Черковца.

В.Голобоков

СПОР СКВОЗЬ ГОДЫ

Распадом социалистической системы в Восточной Европе и Советском Союзе завершилась историческая эпоха ранних пролетарских революций, начавшаяся в последней трети прошлого столетия. Нынешнее тяжелое экономическое и политическое положение стран этого региона создало благоприятную почву для распространения взглядов на социализм как на тупиковую ветвь истории. Для многих становится само собой разумеющимся, что во всех бедах был виноват выбор, сделанный в октябре 1917 года, что именно тогда мы сошли с поезда, на котором двигалось все остальное человечество, и очутились на обочине цивилизации. Весь дальнейший наш путь представляется с этой точки зрения сплошной полосой ошибок и заблуждений, безумной погоней за утопическим миражом, которая ныне окончилась тяжелым отрезвлением.

То, что в пройденном пути сегодня не усматривается ничего светлого, психологически вполне объяснимо. Из мрачного настоящего прошлое обычно видится темным, а будущее туманным. В кризисной ситуации эмоции захлестывают разум и становятся плохим советчиком. Между тем, для спокойного и тщательного уяснения положения они должны быть приглушены: лишь тогда внятно звучат голоса из прошлого, без которых вряд ли можно глубоко понять настоящее и увидеть контуры грядущего. Особенно чутко мы пытаемся уловить голоса тех, кто осенью 1917 года предупреждал об огромных трудностях на новом пути, кто сомневался в правильности делавшегося в тот момент выбора. Среди прямых оппонентов В.И. Ленина наиболее значительной является фигура Г.В. Плеханова — первого русского марксиста, основателя социал-демократического движения в России, учителя В.И. Ленина и его гвардии, человека, посвятившего свою жизнь служению социалистической идее.

...Весна 1917 года. Эмиграция, казавшаяся пожизненной, закончилась. Одновременно (с разницей в два дня) ступив на родную землю, торжественно встреченные петроградцами,

Плеханов и Ленин активно включились в политическую борьбу. Но если первый весь свой громадный авторитет, обширную эрудицию, логически дисциплинированный ум и полемическую страстность подчинил единственной задаче — удержать российский рабочий класс от захвата власти, то второй с ничуть не меньшим талантом, но с гораздо большим энтузиазмом и поистине титанической энергией стал готовить пролетарскую революцию.

Что же развело по разные стороны баррикад двух лидеров российских революционеров в ответственный для Родины момент?

Согласно сложившемуся стереотипу, спор между Лениным и Плехановым шел по вопросу о готовности или неготовности России к социализму. На самом деле это не было предметом их полемики. И Ленин, и Плеханов исходили из одного и того же: Россия к социализму не готова. Не был для них яблоком раздора и вопрос о социализме как закономерном будущем человечества, в том числе и народов России. Они оба придерживались марксизма — научного и философского течения, опиравшегося на главные достижения европейской мысли того времени.

Таким образом, разногласия между Лениным и Плехановым, на первый взгляд, были чисто тактическими — когда и при каких условиях возможна социалистическая революция в России. Кстати сказать, Плеханов сам на протяжении всего 1917 года пишет только о тактических расхождениях с Лениным и большевиками, констатируя единство в области программных, стратегических целей.

Плеханов верен краеугольному положению классического марксизма о том, что старое общество уступает место новому социальному строю лишь тогда, когда в его недрах созревают все объективные предпосылки для этого строя. Россия, убеждает он, страдает не только от того, «что в ней есть капитализм, но также и от того, что он в ней недостаточно развит»¹. В подобных условиях нелепо призывать рабочих, беднейшую часть крестьянства к низвержению капитализма и овладению политической властью. Нет большего несчастья для рабочего класса и его партии, чем преждевременный захват власти, — напоминает он слова Ф. Энгельса. Вследствие экономической и социальной неразвитости России социалистическая организация производства в масштабах всего общества не нашла бы объективной опоры, а правительство, попытавшееся такую организацию навязать, вынуждено было бы прибегнуть к насилию. В конечном счете это правительство либо выродилось бы в некую новую, «социалистическую касту», стоящую над обществом, либо было бы сметено противоборствующей стихией².

В 1917 году Плеханов напоминает эти, написанные еще в конце прошлого века, свои слова как не потерявшие актуальность.

Вряд ли они устарели и сегодня (о чем речь впереди).

Итак, Плеханов придерживался общепринятого тогда в марксистской среде взгляда на историческую последовательность: капитализм — предпосылки социализма — социалистическая революция — социализм. Именно эта последовательность, если отвлечься от различного рода модификаций, лежит в основе всякого социал-демократического воззрения на историю (разве что в современных интерпретациях из данного логического ряда обычно выбрасывается этап собственно революции, и вся последовательность приобретает вид чисто эволюционного процесса).

Да, мы не доросли до социализма, и педанты от марксизма носятся с этим бесспорным положением как с писаной торбой, — возражал в своем «политическом завещании» Ленин. «И никому из них не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации»³.

Здесь дана полная характеристика сложившейся к октябрю 17-го года ситуации. Вовсе не большевики ввергли Россию в империалистическую бойню, не они вызвали женщин

1 Плеханов в Г.В. Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917-1918 г. В двух томах. — Paris, 1921. — Т.1. — С.26.

2 См.: Плеханов в Г.В. Избранные философские произведения. В пяти томах. — М., 1956. — Т.1. — С.103.

3 Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т.45. — С.380.

Петрограда на голодные бунты, приведшие в конечном счете к падению самодержавия, не из сладкопения о свободе и демократии прикрывали в последующие восемь месяцев неспособность буржуазно-демократического правительства, постоянно вещавшего от имени народа, хоть что-либо реальное для него сделать, остановить развал экономики и государства. «Вина» большевиков только в том, что в критический момент они четко сказали народу: хватит бездействовать, шансы на выход из безвыходного положения есть. Шансы эти — в движении к социализму, и их преступно не использовать.

Исключительно важно, однако, подчеркнуть тот нередко игнорируемый ныне факт, что Ленин, признавая неготовность России к социализму, отнюдь не призывал к немедленному введению социализма. Он отлично видел, что Россия должна пройти этап буржуазно-демократического развития. Как отчетливо он в то же время видел, что буржуазно-демократические преобразования в интересах большинства народа, и прежде всего крестьянства, не было способно осуществить никакое, даже самое «демократическое» буржуазное правительство. Особенность тогдашней России заключалась в следующем: только взяв курс на социализм, можно было «по пути» провести и демократические реформы.

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), — писал Ленин, — то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы?»⁴.

Обычная схема исторической последовательности, которой придерживался и Плеханов, трансформирована здесь Лениным в следующую цепь: капитализм — социалистическая революция — предпосылки социализма — социализм. Это прежде всего означает, что предпосылки социализма должны создаваться в рамках переходного периода после революции, а не до нее, и опираться на ее политические завоевания. Объективно-стихийному ходу развития Ленин противопоставляет активно-творческое и сознательно-организованное начало преобразующей деятельности народных масс, т.е. проводит взгляд на общественное развитие как на объективно-историческую практику людей.

Как известно, главным отличием просто «естественно-исторического процесса» от «объективно-исторической практики» заключается в том, что в первом случае общественная жизнь складывается стихийно (часто вопреки тем целям, которые люди преследуют), а во втором имеет место целесообразная деятельность по преобразованию существующих условий. И поскольку она целесообразна, то и результат ее, пусть и не совпадая полностью с желаемой целью, все-таки не является ее абсолютной противоположностью. Вся история человечества преимущественно оказывалась стихийно складывающимся итогом деятельности людей, но не результатом их общественно-исторической практики. Даже в периоды революций, когда действия народных масс прямо направлены на преобразование условий общественной жизни, плоды этих преобразований оказывались далекими от тех, которые ожидалось. У Маркса было основание считать все предшествующее развитие человечества лишь его предысторией⁵.

Поскольку различия в позициях Ленина и Плеханова касаются самого характера исторического процесса, они перестают быть тактическими и неизбежно перерастают в различия стратегические, в разное понимание программной цели движения — социализма.

Летом 1917 года Плеханов отмечал, что «до сих пор вся российская социал-демократия стоит на почве той программы, которая была написана мною еще в 1902 г.»⁶. Правда, немного позднее он добавил, что эта программа «чуть-чуть испорчена соединенными силами Ленина и Мартова»⁷.

Чем же она была «испорчена» в той части, которая касается интересующей нас здесь темы?

4 Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т.45. — С.381.

5 Маркс К., Энгельс Ф., Соч. — Т.13. — С.8.

6 Плеханов Г.В. Год на Родине. — Т.1. — С.223.

7 Там же. — Т.2. — С.36.

Социалистическое общество в первой партийной программе определено в самых общих чертах: замена частной собственности общественной, планомерная организация всего общественного производства, уничтожение деления общества на классы и тем самым устранение эксплуатации одной его части другой. Данной характеристикой социализма программа, естественно, и ограничивалась, что вполне понятно. Главное место в ней, как известно, занимала так называемая программа-минимум: свержение самодержавия и осуществление в России демократических преобразований. Конечная цель здесь освещалась настолько, насколько это необходимо было для общей ориентации социал-демократического движения. Не более того.

Но именно вокруг этой, казалось бы, отвлеченной, а потому вроде бы и не очень важной для такого документа, формулировки социализма и разгорелся спор между Лениным и Плехановым еще на стадии подготовки проекта. В плехановском варианте говорилось, что при социализме необходима «планомерная организация общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов». Этого мало, — резко возразил Ленин. Необходима планомерная и «за счет *всего* общества» организация не только для удовлетворения нужд людей, а «для обеспечения полного благосостояния и свободного *востороннего* развития *всех* членов общества»⁸.

И подчеркнул, что общественное производство, удовлетворяющее нужды людей, еще и капиталистические тресты дадут. А вот чего буржуазные формы организации производства дать не могут — это тех условий, которые бы способствовали развитию каждого человека как деятельного, творческого существа.

Здесь проходит объективный водораздел между старым и новым строем, соответственно — между позицией Ленина и Плеханова. Не потребитель, но созидатель — таков человек новой общественной системы⁹. И задача этой системы — обеспечить все условия не только для проявления творческих (как сказали бы теологи — божественных) начал человека, но и для их формирования и развития. Собственно, и революцию Ленин понимал как способ вовлечения широких народных масс в историческое творчество.

Определенное понимание стратегической цели обуславливает и соответствующее понимание процесса движения к ней, соответствующую трактовку существующих в данный момент социальных институтов и общественных сил. И Плеханов, и Ленин являлись выразителями интересов пролетариата. Но если первый подходит к социальным институтам, явлениям и тенденциям исключительно с точки зрения их использования в рамках данного же общества, то Ленин рассматривает их и как возможные формы, рычаги, силы создания нового строя.

Возьмем, к примеру, вопрос о роли и месте пролетариата в развернувшихся событиях семнадцатого года. Плеханов отмечал высокую активность российского пролетариата. Настолько высокую, что рабочий класс способен (и даже обязан) возглавить все прогрессивные движения. Для упрочения политической свободы, полученной в результате Февральской революции, пишет Плеханов, пролетариат «должен стать во главе всех тех классов и слоев населения, интересы которых были бы нарушены восстановлением старого порядка»¹⁰. Постоянное напоминание рабочему классу об этой его роли, считает Плеханов, есть главная тактическая задача социал-демократии. Вместе с тем, по его мнению, даже став во главе политических сил, пролетариат обязан уступить власть буржуазии и не выходить в общественных преобразованиях за буржуазно-демократические рамки, ибо «русская история не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма, и...пока она такой муки не смолола, участие буржуазии в государственном управлении необходимо в интересах самих трудящихся»¹¹. Получалось, что пролетариат вместе с трудовым крестьянством был обязан своими руками таскать из революционного пламени жареные каштаны для

8 Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т.6. — С.232.

9 Вряд ли здесь стоит особо останавливаться на том, что потребление и производство (созидание) — две стороны единого процесса; и речь, разумеется, идет не об их разрыве и противопоставлении друг другу, а о выделении определяющей, доминирующей стороны этого единства.

10 Плеханов В.Г. Год на Родине. — Т.1. — С.34.

11 Там же. — С.218.

буржуазии. Он должен был, согласно этой логике, справиться «с преувеличенными претензиями, откуда бы они ни исходили»¹².

В этой связи Ленин ставил вопрос: почему, собственно, пролетариат, возглавив демократические преобразования, не в состоянии проводить их таким образом, чтобы одновременно создавать предпосылки социализма, т.е. с самого начала ставить перед собой стратегическую цель, руководствоваться ею и корректировать в соответствии с нею повседневную политику? Речь, разумеется, не о том, чтобы перескакивать через необходимые этапы общественного развития, а о том, чтобы проходить их концентрированно, сжато, ускоренно, целенаправленно, под четким контролем рабочего класса. Тем более, что для России жизненно важно было догнать уходящие вперед страны и народы. Рабочий класс, беря власть в свои руки «до срока», вовсе не насаждает насильственно социалистические отношения, вступая тем самым в конфликт с исторически обусловленными общественными формами, а целенаправленно развивает их далее, используя сам этот процесс для создания предпосылок социализма и формируя себя в созидательную силу нового общества. «Не «введение» социализма как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов»¹³, — гласит восьмой из знаменитых ленинских «Апрельских тезисов».

Очень неопределенным назвал это положение Плеханов. «Контроль над производством и распределением продуктов, необходимый в социалистическом обществе, в известной и даже весьма в значительной мере возможен также и при капитализме. Это опять-таки очень убедительно доказала нынешняя война»¹⁴. Смысл тезиса Ленина Плеханов усматривал в следующем: он «представляет собою лишь слабую попытку нашего «коммуниста» успокоить свою марксистскую совесть»¹⁵. Автор этой реплики просто отказывается видеть здесь нечто большее, нежели простую оговорку, психологический реверанс в сторону прежних убеждений при фактическом отказе от них. Но это было совсем не так! Плеханов правильно замечал, что контроль над общественным производством и распределением продуктов возможен при капитализме. Иной раз он просто необходим, особенно в чрезвычайных обстоятельствах. В качестве их примера Плеханов называл войну. Дальнейшая история XX века показала, что такой контроль из меры экстраординарной превращается со временем в обычную, «встроенную» в функционирование экономических систем современных развитых стран капитала. От имени общества этот контроль осуществляет государство.

Но во имя каких целей это делается? Что касается обстоятельств чрезвычайных, то ответ очевиден: для их преодоления, например, для победоносного завершения войны. А в нормальных для данной общественной системы условиях?

На определенном этапе обобществления стихийное развитие рыночного хозяйства вызвало такие противоречия, что нормальное функционирование общественного производства стало невозможным без постоянного планомерно-централизованного вмешательства в экономику со стороны государства, без ликвидации с его помощью объективно возникающих крайностей самой системы частного предпринимательства. В современных условиях неустранима необходимость в нейтрализации и предотвращении периодически возникающих экономических кризисов разного рода (циклических, структурных, конъюнктурных и т.д.), в проведении действенной антимонопольной политики и осуществлении программ социального обеспечения, в реализации крупномасштабных мер экологического характера и т.п. Важнейшей проблемой государства является поддержание такого уровня жизни необеспеченных слоев населения, который позволяет им сводить концы с концами и в массе своей мириться с наличным общественным строем. Иными словами, «естественная» эволюция рыночной экономики сегодня была бы чревата для этого строя разрушительными, катастрофическими последствиями. Государственный контроль над производством и распределением, таким образом, существует

¹² Там же. — С.139.

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т.31. — С.116.

¹⁴ Плеханов Г.В. Год на Родине. — Т.1. — С.27.

¹⁵ Там же.

здесь для сохранения, поддержания и совершенствования самих устоев буржуазного хозяйствования, их адаптации к динамично меняющимся экономическим и социальным реалиям.

Прав был Плеханов, акцентируя возможность (и необходимость — можем теперь добавить мы) контроля над общественным производством, распределением и потреблением в рамках буржуазной системы. Но ведь Ленин не только не отвергал этой возможности, но и тщательно исследовал соответствующие реальные процессы! Он показал, что буржуазными государствами выработан целый ряд способов и форм контроля над общественным воспроизводством, а условия войны их лишь с полной наглядностью обнаружили. Следует только взять их на вооружение и, преобразовав, сознательно использовать для создания предпосылок социализма. Вопреки Плеханову, Ленин усматривал суть разногласий не в самом по себе признании или отрицании общественного контроля в рамках буржуазной системы, а в вопросе о его применимости в деле социалистических преобразований. Создала или нет буржуазная система те формы и регуляторы общественной жизни, которые уже можно было бы реально поставить на службу социалистическому строительству, — именно в эту плоскость переводил проблему Ленин, тогда как Плеханов вообще не рассматривал российскую действительность с подобной позиции. Данный ракурс казался ему преждевременным и утопичным и потому просто игнорировался.

Задача нового общества заключается в том, чтобы создать условия для творческой активности масс, для пробуждения их способностей и талантов, «которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мямл, давил, душил тысячами и миллионами»¹⁶. И в контексте затронутой выше темы естественно возникает вопрос: нуждается ли широкая творческая самодеятельность трудящихся в такой организации, как государство?

Как известно, вопрос этот оказался столь острым, что его старались обойти все видные теоретики рабочего движения конца XIX и первой четверти XX века. «В общем и целом, — подытоживал Ленин эту ситуацию накануне Октября, — можно сказать, что из уклончивости по вопросу об отношении пролетарской революции к государству, уклончивости, выгодной для оппортунизма и питавшей его, произошло извращение марксизма и полное оплошление его»¹⁷.

Ленин не только обрисовал, каким должно быть социалистическое государство, но и вскрыл глубинные, уходящие корнями в экономическую сферу, причины его существования даже тогда, когда исчезнет классовая дифференциация. Социалистическая государственность призвана концентрировать наличные ресурсы общества на осуществлении его коренных интересов (это преимущество социализма, зачастую превращавшееся в наших неумелых руках в свою противоположность, как известно, ныне в значительной мере взято на вооружение и эффективно используется капиталистической системой). Поскольку и при социализме нет прямого совпадения коренных и текущих интересов трудящихся масс, постольку сохраняется необходимость в регулировании их соотношения, которое (регулирование) поэтому приобретает политический характер. Наиболее ярко, афористично эти мысли выражены в известных ленинских положениях о том, что политика есть концентрированное выражение экономики и что она не может не иметь первенства над экономикой.

Концентрация общенародных ресурсов в руках государства предъявляет особые требования к его организационным принципам. Об этом Ленин не переставал напряженно размышлять до конца своих дней. К главным направлениям он относил действенный контроль со стороны общества за работой государственного аппарата, эффективность работы его органов, широкое привлечение к непосредственной деятельности в них трудящихся масс, использование всех звеньев политической системы, и прежде всего Советов, профсоюзов и других общественных организаций, для обучения этому трудящихся. *Только полное и последовательное соблюдение этих демократических принципов государственного строительства создаст гарантии того, чтобы государство из органа, подчиненного обществу, не превратилось в орган, стоящий над обществом. И именно нарушение названных демократических принципов, а вовсе не невозможность создания недостающих предпосылок социализма после свершения революции обусловило в нашей послеленинской истории превращение этой опасной потенции в*

16 Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т.35. — С.195.

17 Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т.33. — С.103.

действительность. И в этом смысле предсказание Плеханова о возникновении «социалистической касты», к сожалению, сбылось. Чем дальше партийно-государственная управленческая верхушка, как главный атрибут складывавшейся в посленэповский период административно-бюрократической системы, отрывалась от народа и становилась над ним, тем менее она оставалась социалистической, завершив на наших глазах свою эволюцию прямым предательством социалистической идеи, а вместе с ней — социальных и национальных интересов людей труда.

Но история еще не подвела окончательный итог. Социалистическая идея имеет слишком глубокие корни, чтобы бесследно исчезнуть. Она — наследница многовековых чаяний о справедливом жизнеустройстве общества. Этой мечте уже много столетий, и она существовала в самых различных формах: мифологической, религиозной, утопической. А когда ход истории, прежде всего объективные процессы развития производительных сил и тенденции обобществления, подвели к возможности ее практического осуществления, социализм получил свое научное обоснование, теоретического опровержения коего нет.

Нынешняя реставрация капиталистических отношений в России сопровождается не только катастрофическим ударом по жизненному уровню трудящихся, но и невиданным усилением социальной дифференциации населения. Причем она затронула такой массовый интерес, который прямо связан с народным представлением о социальной справедливости, являющейся, как известно, одной из основных духовных ценностей человека. Суть этого представления, совпадающего с коренными положениями научного социализма, заключается в том, что основой личности и ее достоинства является труд, его качество и количество, его значимость для общества, а не собственность, капитал. И если населению западных стран распределение по капиталу кажется естественным, то нашими людьми в большинстве своем (обдуманно или бессознательно) такой принцип воспринимается как несправедливость. И полностью подавить это ощущение, убежден, не удалось бы даже при обещанном в будущем благополучии (которое, впрочем, в реально обозримой перспективе капитализации России никак не из сколько-нибудь серьезных ученых и марксистской, и немарксистской ориентации не предвидится).

...Жизнь продолжается, и спор еще далеко не закончен. Мы еще неоднократно будем возвращаться к полемике Ленина с Плехановым. Такова судьба идей всех глубоких мыслителей: каждое новое поколение возвращается к тому, о чем они когда-то не доепорили.

В. Черковец

СУДЬБА ОДНОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО «НОВШЕСТВА»

Под «новшеством» я имею в виду тот усердно насаждавшийся до августа - 91 «сверху» (в том числе лично союзным президентом — генсеком) постулат, что современный социализм не просто совместим с широкомасштабной приватизацией средств производства, но и немислим без нее. Сегодня представляется небезынтересным проанализировать конкретные аргументы в пользу приватизации, которые выдвигались экс-президентом (генсеком) и его единомышленниками, клявшимися в своей «приверженности социалистическому выбору».

Я не случайно выделяю именно эту категорию сторонников приватизации. Другая категория, как известно, изначально призывала к возврату частнособственнического строя, отвергала идею социализма, да и вообще марксизм и ленинизм. Как же эти две группы могли сомкнуться (или почти сомкнуться?)

В самой общей форме тезис о неизбежности приватизации, т.е. передачи государственных